

ЖИВАЯ СТАРИНА

Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре

СОДЕРЖАНИЕ

СНЫ В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

- А. А. Лазарева. В поисках формулы неуловимого: как систематизировать рассказы о снах 2
- В. А. Кишкина, О. В. Мецерыкова, Е. А. Краснова. Материалы для сюжетно-мотивного указателя рассказов о снах 5
- О. В. Мецерыкова. «Этот мужчина стал превращаться в черта»: образы сновидений, предвещающие опасность 6
- Е. А. Краснова. «Будто кусты малины ее голосом говорят»: образы умерших в фольклорных рассказах о снах 9
- С. С. Ковалевская. Обряд «крещения за умерших» у членов Церкви Иисуса Христа Святых последних дней и связанные с ним сновидения 10

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР: ТАМБОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

- Д. Н. Лоскутова. Испуг в традиционной народной культуре крестьян Тамбовской области 12
- Т. В. Махрачева, Г. С. Махрачев. На «Николау сеют просу...»: дни Николая Угодника в народном календаре Тамбовской области 16
- Т. В. Махрачева, М. А. Шлыкова. Праздник Иван Купала на территории Тамбовского края 20
- Е. Ю. Блинова, Д. Н. Лоскутова. «Чемер» в мифологических представлениях и медицинской практике тамбовских крестьян 24
- К. С. Беляева, Я. В. Манака. Дуб в поверьях, приметах, обрядах, представлениях тамбовских крестьян 28

ФОЛЬКЛОРИСТИКА В НАУЧНЫХ ЦЕНТРАХ: ЦЕНТР УСТНОЙ ИСТОРИИ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

- В. А. Лобач. Этнографические исследования в Полоцком государственном университете: опыт, итоги, перспективы 32
- А. И. Корсак. События Великой Отечественной войны в устной истории Белорусского Подвинья 34
- В. Е. Овсейчик. Этнические группы северной Беларуси в представлениях белорусского населения 37
- Е. В. Сумко. Культура жизнеобеспечения послевоенной белорусской деревни (по материалам устной истории Витебщины) 41

ВЫСТАВКИ

- Е. Л. Мадлевская, А. Б. Островский. Выставка Российского этнографического музея «В лесах и на горах: быт старообрядцев Поволжья» 44

ЭКСПЕДИЦИИ

- К. А. Федосова. Названия ветров в русских селах Бурятии 50
- Г. П. Пилипенко, М. В. Ясинская. Традиционное ткачество в Малоритском районе Брестской области 53

ПАМЯТИ УЧЕНЫХ

- Т. Г. Иванова. Джеймс Бейли (1929–2020) 57

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- С. М. Толстая. Свод материалов по полесской народной демонологии 58
- Е. Бальзамо. Энциклопедия этиологических сюжетов восточнославянского фольклора 60
- М. В. Строгонов. Фольклор в рукописях первой трети XX в. 61
- О. В. Трефилова. Новая литература по фольклору, этнографии, этнолингвистике 64

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

- А. А. Лазарева. Конференция «Антропология сновидений» 65
- О. Б. Христофорова. О демонах старых и новых: конференция «Демонология как семиотическая система» 67
- М. В. Ясинская. Содержание журнала «Живая старина» за 2020 г. 71

Издание осуществлено при поддержке
Министерства культуры Российской
Федерации

Проект реализован при финансовой
поддержке ООГО «Российский фонд
культуры»

РОССИЙСКИЙ
ФОНД КУЛЬТУРЫ

Главный редактор

О. В. Белова, доктор филол. наук;
Институт славяноведения РАН

Редколлегия:

С. В. Алпатов, доктор филол. наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

М. В. Ахметова (зам. главного редактора), канд. филол. наук, Государственный Российский Дом народного творчества им. В. Д. Поленова

Д. А. Баранов, канд. ист. наук, Российский этнографический музей

Л. Н. Виноградова, доктор филол. наук, Институт славяноведения РАН

Е. А. Дорохова, канд. искусствоведения, Государственный Российский Дом народного творчества им. В. Д. Поленова

М. А. Енговатова, канд. искусствоведения, профессор, Российская академия музыки им. Гнесиных

А. Б. Мороз, доктор филол. наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

С. Ю. Неклюдов, доктор филол. наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет

В. Я. Петрухин, доктор ист. наук, профессор, Институт славяноведения РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

И. А. Разумова, доктор ист. наук, Центр гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

С. М. Толстая, академик РАН, Институт славяноведения РАН

Владимир Александрович Лобач,
доктор ист. наук, Полоцкий гос. ун-т (Республика Беларусь)

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОЛОЦКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ОПЫТ, ИТОГИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Этнографическое направление научно-исследовательской и учебно-педагогической деятельности в Полоцком государственном университете (ПГУ) появилось в 1994 г., когда в учебный план студентов-историков была включена полевая этнографическая практика. Генеральная цель предполагала комплексное исследование этнокультурных особенностей Белорусского Подвинья — историко-культурного региона, границы которого в основном совпадают с административными границами Витебской области. Однако при реализации замысла возник ряд методологических и практических проблем. Исторические факультеты всех университетов Беларуси проводили полевую практику исключительно в формате археологических раскопок, соответственно, опыт организации фольклорно-этнографических экспедиций отсутствовал. Неприемлемыми были и принципы проведения фольклорных практик на филологических факультетах. Предъявляемые студентам требования выполнять «план» по сбору определенного количества фольклорных текстов на летних каникулах при отсутствии механизма контроля и верификации представленных материалов в итоге приводили к появлению в публикуемых сборниках массовых фальсификаций¹. Методологические проблемы организации стационарной этнографической экспедиции были сопряжены и с трудностями практического свойства — отсутствием профессиональной видео- и фотоаппаратуры, недостаточным количеством диктофонов и аудиокассет.

Первая экспедиция была проведена в июле 1995 г. на территории Россонского района (руководитель В. А. Лобач), и ее результатом стал не только значительный объем зафиксированных фольклорно-этнографических материалов, но и отчетливое понимание перспективности дальнейших полевых исследований в регионе, путей и методов совершенствования экспедиционной исследовательской работы.

Практически полное отсутствие этнографов и фольклористов в Полоцком университете (созданном на базе политехнического института) явилось причиной того, что одной из приоритетных

задач экспедиций стала практическая специализация студентов в области народоведения, овладение ими базовыми компетенциями полевого исследователя и реализация полученных навыков и знаний в сфере студенческой науки. Стратегия подготовки собственных специалистов с «чистого листа», когда профессиональный рост студентов предполагал не только опыт полевых исследований, но и научную работу в формате курсовых, дипломных работ и магистерских диссертаций, оказалась оправданной и успешной. Только за 2005–2015 гг. в рамках Республиканского конкурса научных работ студентов были отмечены дипломами I и II степени 32 оригинальных исследования в области изучения этнокультурной специфики Белорусского Подвинья. Ряд выпускников не только избрали для себя путь профессиональных этнологов и продолжили обучение в профильной аспирантуре НАН Беларуси (А. С. Высоцкая, А. Б. Захаревич, Ю. В. Прокофьева, А. С. Шарог, Я. С. Шевченко), но и продолжили исследовательскую деятельность в статусе преподавателей Полоцкого государственного университета (С. В. Андриевская, О. Ю. Бабич, В. Е. Овсейчик, В. И. Мишина, П. И. Мишин, Е. В. Сумко). Результаты полевых региональных исследований были использованы в кандидатских диссертациях, посвященных мифологии пространства, семантике и функциям детской игрушки в традиционной культуре и специфике погребальной обрядности белорусов Подвинья, которые подготовили и успешно защитили соответственно В. А. Лобач (2003), С. В. Андриевская (2004) и В. А. Овсейчик (2013) по специальности «этнография, этнология и антропология» [1; 5; 9].

География, предметное поле и формат фольклорно-этнографических исследований были обусловлены как собственным местонахождением университета, так и современными требованиями к гуманитарным наукам в целом и к полевой этнографии в частности, а именно к изучению актуального состояния народной культуры в диалектных, локальных формах ее бытования. Все полевые экспедиции ПГУ были проведены на территории Белорусского Подвинья как историко-этнографического ре-

гиона Беларуси, а также в ряде смежных областей (Минской, Псковской, Смоленской). Актуальность региональных исследований объяснялась недостаточной изученностью этнокультурных особенностей северной Беларуси, поскольку научные экспедиции академических специалистов были спорадическими и не имели системного характера.

В 1995–2019 гг. полевые исследования охватили более 600 населенных пунктов практически во всех районах Витебской области (за исключением Дубровенского, Оршанского и Толочинского, относящихся к Поднепровью), что позволило записать большой объем фольклорно-этнографических материалов, которые отражают разнообразные аспекты этнокультурной традиции региона.

В конце XX в. развитие зарубежной и отечественной гуманитаристики отчетливо показало недостаточность узкодисциплинарных подходов в изучении традиционной культуры. Поэтому при организации и проведении полевых этнографических экспедиций ПГУ был использован комплексный подход. В отличие от фольклорных практик педагогических вузов, где фиксировалось только устнопоэтическое творчество, этнографическая практика ПГУ подразумевала исследование практически всех аспектов жизнедеятельности сельского социума на территории Подвинья. Кроме «классических» тем (календарная и семейная обрядность, песенный и сказочный фольклор, мифология) начали активно исследоваться объекты сакральной географии и феномен почитания «деревенских святых», народная медицина и знахарство, предписания и магические практики, этнография детства и этноботаника, культура этнических групп и специфика межэтнических отношений в регионе. Разумеется, широкое предметное поле исследований объективно требовало и междисциплинарного подхода, когда активно задействуются теоретические наработки не только этнографии и фольклористики, но и гуманитарной географии, этносоциологии, этносемиотики, этнолингвистики, микроистории, культурной и исторической антропологии.

Стремительные процессы депопуляции сельского населения Витебщины во второй половине XX — начале XXI в., а следовательно, существенное уменьшение числа носителей традиционной культуры и ментальности, предопределили использование разнообразных форм проведения полевых исследований в ПГУ, среди которых основными являются следующие.

1. **Полевая стационарная экспедиция**, которая проводится в течение трех летних недель на территории определенного микрорегиона Подвинья; обследование охватывает око-

ло 20–30 деревень. Полевой лагерь полностью автономен и обладает высоким уровнем самоорганизации. При мнимых «ужасах» палаточной жизни и кажущейся «допотопности» полевой стационарной экспедиции (такой формат проведения фольклорных или этнографических практик не используется в других университетах Беларуси) она имеет ряд преимуществ как в научно-исследовательском, так и учебно-методическом плане:

автономность палаточного лагеря позволяет еще на этапе планирования экспедиции выбирать перспективный микрорегион исследования вне зависимости от наличия на данной территории соответствующей инфраструктуры (общежитие, школа) для проживания участников экспедиции;

базовый этнографический лагерь почти на месяц практически включается в сельский культурный ландшафт, что позволяет достичь высокой степени взаимопонимания и доверительности в отношениях с местным населением, а также реализовать «принцип возвращения», когда контакт с респондентом может происходить неоднократно;

взаимная ротация полевых групп (порядок чередования определяет график дежурства по лагерю) позволяет руководителям практики провести этнографический тренинг с каждой из них, что дает возможность студентам наиболее эффективно овладеть методами полевого исследования;

коммуникация между преподавателями и студентами-практикантами происходит практически с утра до ночи и позволяет продолжать процесс обучения (обсуждения, анализа) в произвольной форме даже вне собственно полевых выходов;

непосредственное соприкосновение с традиционной культурой, уникальный природный контекст, а также осознание научной значимости происходящего, бытовая и хозяйственная самостоятельность способствуют тому, что студенты-первокурсники воспринимают экспедицию как интересное приключение. Неслучайно многие из практикантов не только выбирают для своих будущих занятий этнографическую проблематику, но и принимают активное участие в последующих экспедициях в качестве опытных волонтеров.

2. Маршрутные микроэкспедиции предполагают полевую работу в конкретных населенных пунктах («куст» деревень или местечко), проходят в течение одного-двух дней на протяжении всего года и могут проводиться как собственно профессиональными исследователями, так и студентами (магистрантами).

3. Этнографический практикум — форма самостоятельной исследовательской работы студентов, которые

проводят опрос своих родственников (либо односельчан) по тематическим анкетам.

Полевая работа в любом формате ведется по принципу сохранения аутентичности зафиксированных материалов, согласно которому первичным является аудиофайл полевой записи (первоисточник), а его расшифровка и текстовый вариант должны целиком ему соответствовать; это позволяет избежать искажений и фальсификаций. Сочетание всех трех форм полевых исследований позволяет не только значительно расширять географию научного поиска и осуществлять исследование в течение календарного года, но и обогащает Фольклорный архив ПГУ большим объемом ценной информации.

Научная и практическая значимость этнографических экспедиций способствует развитию регионального краеведения фольклорно-этнографического профиля. Введение в научный оборот результатов полевых исследований является главным принципом с начала проведения экспедиций [7; 8]. Немаловажным является участие преподавателей и студентов Полоцкого университета в краеведческих конференциях, организуемых местными работниками культуры и музейными сотрудниками. В частности, давним и плодотворным является сотрудничество полоцких этнографов с Лепельским краеведческим музеем, на базе которого с 2004 г. регулярно проводится научная конференция «Лепельские чтения». В рамках аналогичных конференций, проводимых в различных райцентрах Витебской области, исследователи ПГУ делятся итогами своих обследований Браславского, Поставского, Россонского, Шумилинского районов.

Практическим итогом экспедиций стало издание «Полоцкого этнографического сборника», первый выпуск которого был посвящен народной медицине белорусов Подвинья [11], а второй содержал около 1500 записей народной прозы, отображающих мифологические представления, традиции почитания культовых источников и валунов, место и роль магических практик, а также этнические стереотипы сельского населения северной Беларуси [12]. Издание, содержащее большой объем аутентичных фольклорно-этнографических материалов, было высоко оценено отечественными и зарубежными специалистами [2; 3; 4]. В настоящее время завершается подготовка к печати третьего выпуска, посвященного традициям семейной и календарной обрядности белорусов Подвинья.

Накопленный значительный опыт в изучении истории и культуры региона, необходимость координации и взаимодействия с научно-исследовательскими центрами Беларуси и зарубежья стимулировали проведение на базе ПГУ республиканского учено-практичного семинара «Белорусское Подвинье: опыт, методика и итоги полевых исследований» (2009), который в 2011 г. обрел статус международной научной конференции, проводимой на регулярной основе. Раз в два года полоцкий форум собирает историков, археологов, этнографов и фольклористов Беларуси, Германии, Латвии, Литвы, Польши, России и Украины, которые делятся опытом гуманитарных исследований в области регионалистики.

Итогом научно-исследовательской деятельности сотрудников, магистрантов и выпускников кафедры истории и туризма ПГУ в сфере белорусского

Галина Сидоровна Равкова (д. Соржица Бешенковичского р-на) делится воспоминаниями с участницей экспедиции Ю. Шарипо. 2014 г. Фото В. А. Лобача

народоведения стало издание в 1995–2020 гг. более 250 научных статей в отечественных и зарубежных изданиях (см.: [14]). Результаты исследований были апробированы более чем на 80 международных и республиканских научных конференциях. Основной корпус опубликованных полевых материалов, а также ключевые работы сотрудников университета, посвященные этнокультурным особенностям Белорусского Подвинья, находятся в открытом доступе репозитория библиотеки ПГУ², что позволяет исследователям использовать их без всяких ограничений.

Большую значимость для оптимизации полевых исследований и теоретического осмысления их итогов имеет активное сотрудничество ученых Полоцкого университета с отечественными специалистами (Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, кафедра этнологии, музеологии и истории искусств Белорусского государственного университета) и исследователями из зарубежных стран. Пограничный статус региона обусловил тесные профессиональные контакты с профильными специалистами Псковского и Смоленского государственных университетов, Института славяноведения РАН, Эстонского литературного музея (Тарту) и Даугавпилсского университета (Латвия). Сотрудничество в международной сфере успешно реализуется в рамках совместных научных проектов по исследованию культурного ландшафта этнического пограничья.

Закономерным этапом в развитии регионального народоведения в Полоцком государственном университете стало создание в 2019 г. Центра устной истории и полевых исследований³. Принципиальное расширение предметного поля и дисциплинарных рамок прикладных и теоретических изысканий было обусловлено взаимной интервенцией истории и культурной антропологии. В ситуации, когда историков всё более интересуют «болезнь и смерть; секс, брак, конкубинат; рож-

дение, контрацепция и аборт; работа, свободное время <...> соотношение религии, науки и магии как моделей объяснения действительности <...> семья, род, община, нация, клан и раса; сила и значение ритуала» [13. С. 19], этнологи и фольклористы обращают внимание на исторические события, которые трактуются не с позиций официальной хронологии и идеологии, но с точки зрения человека, как носителя определенной культурной модели восприятия мира. Таким образом, продуктивным методологическим принципом представляется «исторический разворот» культурной антропологии, когда научный инструментарий этнологии, полевой этнографии, этносемиотики и фольклористики (в тесной корреляции с современной историографией) будет задействован при анализе исторических реалий XX в. Среди приоритетных задач Центра на современном этапе не только дальнейшее развитие традиционных этнографических тем исследования, но и стимулирование новых направлений научного поиска в области устной истории, городского фольклора, военно-исторической антропологии, истории повседневности, культуры жизнеобеспечения и визуальной антропологии.

Примечания

¹ Многочисленные фальсификации в изданиях витебских и гомельских фольклористов детально разобраны в следующих рецензиях: [6; 10].

² Размещен в Интернете: <https://elib.psu.by/handle/123456789/755>.

³ Веб-страница Центра: <https://www.psu.by/be/universitet/398-tsentry/12820-tsentr-vusnaj-gistoryi-i-palyavykh-dasledavannyau>.

Литература

1. Аусейчык У. Я. Эвалюцыя пахавальна-памінальнай абраднасці беларусаў Падзвіння ў XX — пач. XXI ст.: Аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 2013.
2. Белова О. В. Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 1–2 // Славяноведение. 2012. № 2. С. 109–112.
3. Валодзіна Т. Значны поспех беларускіх этнографіў і крэйзнаўцаў //

Беларускі гістарычны часопіс. 2008. № 1. С. 69–71.

4. Захаркевіч С. А. Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 2 // Российские и славянские исследования: Науч. сб. Вып. 6 / Редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский и др. Минск, 2011. С. 317–319.

5. Касцюкевіч С. У. Семантыка і функцыі традыцыйных цацак беларусаў у XIX–XX стст.: Аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 2004.

6. Лобач У. Аўтэнтчны фальклор і прафесійная этыка фалькларыстаў // Беларускі фальклор: Матэрыялы і даследаванні. 36. навук. прац. Вып. 2. Минск, 2015. С. 503–508.

7. Лобач У. А. Да вынікаў археалагічна-этнаграфічнай экспедыцыі ў мястэчку Бачэйкава і яго ваколіцах // Матэрыялы II Міжнар. канф. па праблемах музеіфікацыі ўнікальных гістарычных тэрыторый (14–16 кастрычніка 1996 г.) / Уклад. Т. Джумантаева. Полацк, 1996. С. 45–49.

8. Лобач У. А. Некаторыя вынікі этнаграфічных даследаванняў Беларускага Падзвіння (экспедыцыі ПДУ 1995–1997 гг.) // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: Матэрыялы III Міжнар. канф. / Уклад. Т. Джумантаева. Полацк, 1998. С. 160–164.

9. Лобач У. А. Уяўленні аб прасторы і часе ў традыцыйным светапоглядзе беларусаў (па этнаграфічных і фальклорных матэрыялах 19 — пач. 20 ст.): Аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 2003.

10. Петров Н. В. The Wheat and the Chaff белорусской мифологии // Филологическая регионалистика. 2015. № 1–2. С. 68–72.

11. Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 1: Народная медыцына беларусаў Падзвіння: У 2 ч. / Склад. У. А. Лобач, У. С. Філіпенка. Наваполацк, 2006.

12. Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 2: Народная проза беларусаў Падзвіння: У 2 ч. / уклад., прадм. і паказ. У. А. Лобача. Наваполацк, 2011.

13. Стоўн Л. Будучыня гісторыі // Будучыня гісторыі: зборнік артыкулаў па сучаснай гістарыяграфіі / Склад. Г. Сагановіч. Мінск, 2008. С. 5–28.

14. Традиционный этнокультурный и языковой ландшафт Витебско-Псковского пограничья в конце XIX — начале XXI вв.: Библиографический указатель / Под общ. ред. Н. В. Большаковой. Псков, 2017.

Алеся Иосифовна Корсак,
канд. ист. наук, Полоцкий гос. ун-т (Республика Беларусь)

СОБЫТИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В УСТНОЙ ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОГО ПОДВИНЬЯ

Центр устной истории и полевых исследований Полоцкого государственного университета на протяжении 20 лет активно

проводит на территории Белорусского Подвинья экспедиции по сбору фольклорного материала и устных воспоминаний. Источники по устной

истории, в частности о событиях Великой Отечественной войны, активно вводятся сотрудниками Центра в научный оборот в формате не только отдельных публикаций [2; 3; 4; 5; 6; 7], но и сборников воспоминаний [1].

Какой бы эпохи ни касалась тема экспедиции, разговор с нашими собеседниками практически всегда сводится к Великой Отечественной войне. И это неслучайно: в Беларуси почти нет семьи, которую бы не затронула война.

К воспоминаниям очевидцев тех или иных событий можно относиться

по-разному. Устный источник в рамках исторического научного дискурса является второстепенным, но его ценность и значимость для объективного показа исторических событий не подлежит сомнению. Как и архивный документ, устный источник подлежит верификации. Известно, что на воспоминания влияют и социальное положение респондента, и его возраст, достаток, условия жизни и даже эмоциональное состояние. В итоге исследователь может фиксировать разное отношение респондентов к действительности.

Воспоминания очевидцев Великой Отечественной войны (особенно о партизанском движении и оккупации) разноплановы и противоречивы, как и сама война. В данном случае нужно быть осторожным в оценке взаимоотношений элементов триады «оккупационные власти — гражданское население — партизаны».

На основе материалов устной истории мы попытаемся показать, насколько неоднозначно респонденты интерпретируют события войны, особенно это касается взаимоотношений между оккупационными властями, партизанами и гражданским населением. Приводимые в статье полевые записи сделаны в двух районах Витебской области — Поставском и Россонском (в современных границах). Первый из них в предвоенное десятилетие находился сначала в составе Республики Польша; в ходе событий сентября 1939 г. западная часть Беларуси, включая Поставщину, вошла в состав Белорусской ССР (закон БССР от 14 ноября 1939 г.). Россонщина же практически с первых лет советской власти находилась под контролем СССР в составе различных административно-территориальных единиц (губерний, округов и областей). Эти обстоятельства определяют различия в мировоззрении жителей рассматриваемых районов и, соответственно, в воспоминаниях очевидцев и участников войны.

Не стоит забывать о том, что с начала нацистской оккупации значительная часть современной Беларуси входила в состав двух крупных административно-территориальных единиц — генерального округа Беларусь (нем. Generalbezirk Weißruthenien) с гражданской администрацией и зоны тыла группы армий «Центр» с военным управлением. Отметим, что на геноцид еврейского населения, масштабы карательных операций нацистов и развертывание партизанского движения этот фактор влиял мало; большее влияние на отношение местного населения к оккупационному режиму 1941–1944 гг. и партизанскому движению, на наш взгляд, имело долговременное разделение Беларуси на

восточную и западную в межвоенный период.

Взаимоотношения «оккупационные власти — гражданское население — партизаны» — одна из сложнейших тем в военно-исторической антропологии. Гражданское население оказалось не столько в условиях противостояния идеологий нацизма и большевизма (на уровне геополитики), сколько в положении заложника ситуации в условиях противостояния между оккупационными властями и партизанским движением (на уровне повседневной действительности). Следует учитывать и то, какую позицию занимало местное население по отношению к партизанам (оказание им помощи продуктами и одеждой, уход в ряды партизан либо полное неприятие партизан или нейтральное отношение к ним).

Взаимоотношения между нацистскими оккупационными властями и гражданским населением по-разному отражены в презентации событий 1941–1944 гг. жителями Поставского и Россонского районов. По сути местное население было аполитично и озабочено лишь тем, как уберечь родных, накормить и одеть семью. Непосредственного контакта оккупационной власти в лице гебитскомиссара (нем. Gebietskommissar) с народом не было, все распоряжения транслировались через солтыса, войта или старосту как представителей гражданской власти (в зависимости от территории наши собеседники упоминали представителей низшего звена в нацистской оккупационной иерархии власти). Как резюмировала одна из респонденток, «каждому гасударству нужны начальнікі» [АЮЮ].

На Поставщине оценка лица, занимавшего соответствующую должность, зависела от его поведения по отношению к односельчанам: «...стараста быў в дзэрэвне, не плахі. Плахога людзям не рабіў...» [АЮЮ]; «...солтыс быў наш, камайскі. К людзям харашо адносіўся...» [КВВ]; «...солтыс быў з Кавалёў, з людзьмі нічога. Выпіваў здрава. Прыйдзе, паставім яму, каб лепшы быў, калі на работу пашлець...» [КФБ]; «...войт быў. Нічога такі, не рабіў дрэннага...» [ПФМ]; «...стараста наш быў, дзэравенскі. Харошы!» [СЛА]. Следует отметить, что занимать эту должность местные жители не особо желали: «...тата быў солтысам — партызаны прыйшлі, казалі, каб адмовіўся, тады сталі па чарзе...» [ТТК] (ср. также: «...быў солтус — баяліся быць, дык па нядзелях былі солтасамі...» [ГАИ], «...не адзін быў — мяняліся...» [ФВЛ]). Это было связано в первую очередь с действиями партизан в отношении этих людей: их объявляли пособниками нацистов,

и впоследствии партизаны применяли к ним высшую меру наказания.

На Россонщине система административно-территориального управления на уровне деревень на протяжении всего периода оккупации не функционировала по причине активности партизанского движения. Бургомистры волостных (сельских) управ исполняли свои обязанности на местах вплоть до 1942 г. В 1943–1944 гг. ситуация изменилась; бургомистры вместе со своими семьями уже не могли проживать в центре волостной (сельской) управы и контролировать ее территорию. Отношение к тем, кто имел желание быть старостой, как и к тем, кто уходил в полицию, было крайне негативным. Наша собеседница вспоминала: «...бурмістр... партызаны як паявіліся, дык і забралі <...> бурмістра білі, але аджыў... хаваўся... а калі фронт прыйшоў, дык пайшоў у салдаты савецкія, і ваяваў за нас, і пагіб у Латвіі... во як» [ЛОИ]. Можно предположить, что герой приведенного выше текста, поняв, что совершил предательство, решил искупить его кровью. Однако мы не знаем, что побудило его занять должность бургомистра — собственное желание или задание партизан. Действительно, партизанская бригада могла дать жителю деревни подобное задание, о котором другая бригада при отсутствии налаженной межпартизанской связи могла не знать и, таким образом, несправедливо наказать его без суда и следствия. Очевидцы часто вспоминают о случаях несправедливого наказания старост партизанами (от избияния до расстрела). Не случайно респондентка отметила: «Білі, можа, каго і нада і не нада» [ЛОИ].

Помимо гражданской власти, на оккупированной территории существовал полицейский аппарат, который набирался из числа местных жителей. Особенностью Поставщины является то, что полиция были представлены в основном литовскими коллаборационными военными формированиями, призванными осуществлять охрану железных дорог и мостов: «В Камаях былі літоўцы, стаялі ў школе, больш 100 чалавек у зяленай форме, немцы імі толькі рукавадзілі» [КВВ]. Но были и свои — местные: «Была чалавек дванадцать, з вескі — адзін, астатнія з акругі» [ААС]. Представителей военных формирований, осуществлявших в том числе полицейские функции, респонденты называли *паліцай, міліцыя, салдаты*. К полицейским относились негативно («дажэ дзеці баяліся» [ААС]), особенно это относилось к эстонским коллаборантам: «...літоўскія салдаты тут больш нарабілі. Беларусы не любілі. Вся ж міліцыя была літоўская...» [ЖБИ]; «...літоўцы

самая лепшыя, ну нічога латышы, эстонцы — дрэнныя» [УЕИ].

На Россонщине до создания Россонско-Освейской партизанской зоны местные жители также привлекались в число полицеев: «...тры Шчарбакі былі самыя задылы паліцаі са сваіх <...> [Полицей] указвалі на партызанскія сем'і, і іх патам расстрэльвалі <...> пасля вайны іх пазналі, аж у Ташкенце быў — збег. Людзі ў газэце прачыталі ці я там, і адна жанчына хацела ім вочы выдзерсці, калі судзілі...» [МАФ]. На вопрос, почему они пошли в полицей, собеседница ответила: «А як жа. Ім жа власць была дана ад немцаў» [МАФ].

Таким образом, на территории Западной Беларуси (Поставский район) к старостам как представителям оккупационной власти в своей деревне относились лояльно, их существование воспринималось скорее как некая необходимость в новых условиях военной реальности. При этом полицейских респонденты оценивают негативно, возможно, по причине их чуждости. В Россонском районе одинаково отрицательным было отношение и к руководству деревни или сельской управы, и к полицеем независимо от того, «свои» они или «чужие».

Взаимоотношения между гражданским населением и советскими партизанами в воспоминаниях жителей западной части Беларуси окрашены негативно. Разумеется, от оккупационных властей ничего хорошего не ждали, но складывается впечатление, что и к партизанам на Поставщине относились как к врагам, хотя и «своим»: «Днем баяліся немцаў, а ноччу — партызан» [ВЛА]. В ряды партизан местное население вливалось неохотно: «...маладзёж хаваўся, партызаны іх хваталі на танцах, бо самі не ішлі. Забіралі...» [ВЛА]. Нежелание молодежи идти в партизаны было обусловлено тем, что партизанское движение на территории Поставского района не было столь масштабным, как, например, в пограничных с ним Мядельском или Браславском районах. Кроме того, отношение к партизанам в Поставском районе можно объяснить тем, что здесь действовал партизанский отряд Маркова, которого местные жители, мягко говоря, недолюбливали, поскольку в качестве мести за действия партизан под руководством Маркова нацистские оккупанты расстреляли местных мирных жителей: «Это Маркаў панадзелаў дзялоў. Парцызаны забілі немца Бэка, дык у засценку сем чалавек за гэта забілі [немцы] з дзярэўні» [ЖБИ].

Россонщина в этом отношении резко отличается. В 1942 г. была создана Россонско-Освейская партизанская зона, на территории которой действовали различные партизанские отряды

и бригады, в том числе из Калининской области. «Чужих», «пришлых» партизан местные жители не особо жаловали, поскольку те отбирали у них последнее: «...парцызаны тожэ былі плахія некатарыя, забіралі адзенне... адзялка майго рабёнка забралі, прасіла: "Киньце!" Калінінскія парцызаны былі, не нашы» [БЕК]. Однако в целом в Россонском районе местные жители помогали партизанам («...а як памагалі парцызанам і хлебам і мясам, хто чым мог <...> Яны памагалі, далі каня... пры гэтым змянілі нашага плахаватага каня, далі ўзамен добрага» [КФФ]), пополняли их ряды («з кожнай дзярэўні па дзесяць чалавек, толькі начальства чужое, а парцызаны ўсе свае» [КФФ]). Описывая насилие со стороны немцев по отношению к партизанам, респонденты употребляют эмоциональные междометия, указывающие на сопереживание: «...дзяньком два парцызаны прайшлі, немцы следам і пайшлі, немцы здэквалялі над гэтым парцызанамі і вушы паатразалі... Ай... ай...» [БЕК]). Ни один из опрошенных в экспедиции 2019 г. очевидцев не высказывал в отношении «своих» партизан негативной оценки, что отражает специфику Россонского района.

Общим мотивом в воспоминаниях жителей и Поставщины, и Россонщины был страх перед немецкими оккупационными властями. В то же время принятие или непринятие партизанского движения обусловлено локальными особенностями. До войны условия жизни в Западной Беларуси (в частности, в Поставском районе) жило в иных условиях, нежели восточная ее часть (включая Россонский район), где чувство собственности заменялось коллективизмом. Соответственно, жители Поставщины не проявляли активности вступления в ряды советских партизан.

Литература

1. Великая Отечественная война в зеркале народной речи и фольклора: Тексты. Исследования. Аудиоприложение / Под общ. ред. Н. В. Большанковой; Сост. Н. В. Большакова и др. Псков, 2016.
2. Гребень Е., Корсак А. Восприятие военной действительности населением Западной Беларуси (по материалам полевых исследований) // *Vesture: avoti un cilvēki*: XXII / Red. L. Saleniece. Daugavpils, 2019. S. 45–57.
3. Корсак А. И. Станови́ща насельніцтва Лепельшчыны ва ўмовах нацыскай акупацыі (1941–1944 гг.) (па матэрыялах этнаграфічных экспедыцый УА «Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт») // *Лепельскія чытанні: Матэрыялы VI навук. — практ. канф. (Лепель, 17–18 кастр. 2014 г.)* / Рэд-кал.: Я. А. Грэбень, А. У. Стэльмах. Мінск, 2014. С. 155–160.
4. Корсак А. И. Отношение горожан Полоцка к «новому порядку» в усло-

виях установления нацистской оккупации (1941 г.) в воспоминаниях его жителей // *Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждyscyплінарных даследаванняў*: 36. навук. арт. II міжнар. навук. канф., Полацк, 17–18 красав. 2014 г.: У 2 ч. Ч. 2 / Пад агульн. рэд. Д. У. Дука, У. А. Лобача, С. А. Шыдлоўскага. Наваполацк, 2014. С. 100–104.

5. Корсак А. И. «...Бярозка, уставай, ідзі...» // *Вялікая Айчынная вайна ў нашых лёсах: Біяграфічны даведнік* / Склад. Т. А. Грудніцкая. Наваполацк, 2010. С. 128–133.

6. Корсак А. Немецкая оккупация 1941–1944 гг. в воспоминаниях жителей белорусско-русского пограничья // *Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: Сб. науч. ст. по материалам межд. научн. конф.*, Пинск 21–22 окт. 2016 г. / Под ред. Р. Б. Гагуа. Пинск, 2016. С. 198–204.

7. Лобач У. А. 1941 год вачыма дзяцей і падлеткаў Віцебшчыны: антрапалагічны дыскус ваеннай гісторыі // *Вестник Полоцкого государственного университета*. Сер. А: Гуманитарные науки. 2020. № 9. С. 88–97.

Список информантов

- ААС — Альфер А. С., 1929 г.р., д. Груздово Поставского р-на, 2017 г.
 АЮЮ — Альфер Ю. Ю., 1932 г.р., д. Груздово Поставского р-на, 2017 г.
 БЕК — Бондарева Е. К., 1922 г.р., д. Великое Болото Россонского р-на, 2017 г.
 ВЛА — Василевская Л. А., 1929 г.р., д. Ляховщина Поставского р-на, 2017 г.
 ГАИ — Головкин А. И., 1935 г.р., д. Мисыки Поставского р-на, 2017 г.
 ЖБИ — Журомский Б. И., 1931 г.р., д. Попелики Поставского р-на, 2017 г.
 КВВ — Каркоз В. В., 1928 г.р., д. Камаи Поставского р-на, 2017 г.
 КФБ — Койро Ф. Б., 1927 г.р., д. Ковали Поставского р-на, 2017 г.
 КФФ — Кондатов Ф. Ф., 1928 г.р., д. Янковичи Россонского р-на, 2019 г.
 ЛОИ — Лебедева О. И., 1927 г.р., д. Шалашники Россонского р-на, 2019 г.
 МАФ — Минькова А. Ф., 1928 г.р., д. Павлово Россонского р-на, 2019 г.
 ПФМ — Петровская Ф. М., 1927 г.р., д. Свируды Поставского р-на, 2017 г.
 СЛА — Сакович Л. А., 1923 г.р., д. Сороки Поставского р-на, 2017 г.
 ТТК — Теляк Т. К., 1924 г.р., д. Теляки Поставского р-на, 2017 г.
 УЕИ — Урбанович Е. И., 1920 г.р., гор. пос. Лынтупы Поставского р-на, 2017 г.
 ФВЛ — Федорович В. Л., 1932 г.р., д. Попелики Поставского р-на, 2017 г.

Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ — РФФИ в рамках проекта № Г20Р-287 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941–1944 гг.».

Владимир Евгеньевич Овсейчик,
канд. ист. наук, Полоцкий гос. ун-т (Республика Беларусь)

ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ СЕВЕРНОЙ БЕЛАРУСИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ БЕЛОРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ

На территории северной Беларуси рядом с белорусским населением живут русские, поляки, евреи, латыши, цыгане и другие народы. Длительное межэтническое взаимодействие не прошло для контактирующих сторон бесследно, повлияв на их язык, традиционную культуру и т.д., и в первую очередь на формирование образа «соседа». Этнические (этноконфессиональные) образы являются неотъемлемым компонентом общей картины мира, исследование которых позволяет более глубоко характеризовать всю специфику этнокультурного взаимодействия.

Основой для статьи послужили материалы полевых исследований, проведенных в регионе в 1990–2000-е гг. Значительная часть материалов была собрана автором на территории северной Беларуси (часть опубликована [7]; основной объем хранится в Фольклорном архиве Полоцкого государственного университета). Все цитируемые тексты были записаны в Витебской области.

При формировании образа этнических (этноконфессиональных) сообществ соседей важной оказывается их хозяйственная деятельность; для белорусского сельского населения это отношение соседнего населения к земле [4. С. 53]. Специфика хозяйственной деятельности соседей всегда актуализируется в рассказах. Так, в качестве характерных занятий евреев упоминается торговля, реже — ремесленные занятия: «У магазинах толькі яўрэі былі. Нашых, рускіх, не было. Дзе толькі ларок — там яўрэй» [СГИ]. Кочевой образ жизни цыган также не остался без внимания: «Табыры гэтыя я помню, бяжым, дзеці, ззадзі, калі дзве павозкі, во цыгане ехалі, кібіткі гэтыя такія панакрываныя. Ну дзетвара, знаеш, інцірэсна ж, бяжыш паглядзець. А яны, знаеш, каго займаць, а самі па хатах пойдучь. Было, што і кралі цыгане» [СМИ].

Занятость соседей в сельском хозяйстве оценивается позитивно. Поэтому латыши, проживавшие в сельской местности и занимавшиеся в основном земледелием и животноводством, описываются белорусами положительно: «Латышы многа скоту дзіржалі (...) Яны трудолюбивыя людзі былі і няўрэдныя такія» [СМЕ]. В воспоминаниях латыши часто даже выступают как своеобразные культурные герои, которые получили

землю для своих хозяйств, раскорчевав лес, и научили местное население новым знаниям: «Быў лес. Скрозь, во тут, быў лес. Вот яны, латышы, куплялі, раскарчоўвалі, канавы капалі. Поле білі на квадраты, дзялілі. Сажалкі¹ капалі,

льны тут пайшлі развадзіць. І мачылі, і здавалі. Яны тут падняліся крэпенька былі. Сажалкі капалі і сеялі лён, вырывалі лён і ў сажалку апускалі, а патам лён быў такі белы-белы. І ткалі тады ўсякае. Ай, усё [латышы] дзелалі! І ткалі, і вязалі. І мы ад іх і навучыліся вязаць. Яны сільна былі мудрыя людзі. І цяпер яшчэ скляпы іхныя стаяць» [БВИ].

При описании «чужаков» значительное внимание уделяется особенностям их внешнего вида (антропологические черты, одежда и т.д.). Респонденты часто обращают внимание на эти особенности, несмотря на то что значительная часть событий в рассказах белорусов относится к середине XX в. Так, специфический внешний вид, по их мнению,

Свадьба в старообрядческой деревне Беляны Миорского р-на. 1954 г. Фото из семейного архива Л. П. Ядревской (г. Дисна)

Похороны в семье старообрядцев (д. Германовичи Шарковщинского р-на). 1948 г. Фото из семейного архива Л. П. Ядревской (г. Дисна)

был характерен для старообрядцев («Бароды бальшыя, ваабражаюць, што яны маскалі. У Плісах² там былі «... Надзенуць рубэхі дліньныя, ходзяць старыкі» [ДАМ]) и евреев («Ну яны караглазья, цемнаглазья. Ужо каторыя смесь ідзець у іх, рускія з беларусамі, тады ўжо яны ўсякія могуць быць. І светлыя, і чорненькія. Яны цемнаглазья, чарнавалосыя, каторыя кучаравыя» [БТП]).

Язык — еще один важный фактор, на который указывают при описании соседей: «Ні па-нашаму гаварылі [евреи]. Цяпер сталі па-нашаму гаварыць. А так яны самі сабой» [ВСП]; «Яны (латыши. — В. О.) па-нашаму нікагда не гаварылі паміжсобку [между собой]. Яны па-латыску са сваімі, а з намі — па-нашаму. А так, прыйдзеш к ім у хату, а яны: “Гер-гер-гер” — гергечуць ні паймёш што. Ай, месныя многа сьмяяліся каля латышоў, што вот латышы, што вот па-свойму гавораць» [БВИ]. Язык становится важным этноопределяющим признаком особенно в том случае, когда другие различия отсутствуют, утрачены со временем или внешне не заметны. Даже при характеристике старообрядцев местные белорусы отмечают владение «другим» — русским («московским») — языком: «Ну, яны памаскоўску разгаварывалі» [ВВС].

Респонденты постоянно обращают внимание на отличия от них «чужаков» в **вере и религии**. Особенно комментируются религиозные представления и традиции евреев: «Яны ваабшчэ у Ісуса Хрыста ня верылі, у іх свая рэлігія была, жыдоўская, вот» [ЛТС]. Религиозные отличия местные жители приписывают и цыганам (которые на самом деле исповедуют христианство): «Цыганы ўсю дарогу ў лесе. У цыганоў ні цэрквы нет, ні кладбішча нет. Вот ані едуць, качуяць табар. І ўміраіць старуха, ужо па гадам. Сё, астанаўліваюць табар у лесе. У іх ёсць лапаты там і ўсё. І гэту старуху адзіваюць у ейны нарад і ў простынь закручваюць, гроба нет, дзе ў лесе гроб, цэрквы нет, свяшчэннікаў

Синагога в г. Дисна (конец XIX в.). 2019 г. Фото В. А. Лобача НЕОБЯЗАТЕЛЬНО

нет, і капаюць яму, і яе пахароняць цыганы» [ПАД].

Широкие контакты со старообрядцами как представителями русского этноса способствовали появлению у белорусов православного вероисповедания убеждения в том, что православная вера — «белорусская», а старообрядческая вера является «русской»: «Ну, маліліся яны (старообрядцы. — В. О.) не так «...» Яны ж рускай веры «...» эта ж рускія. Мы — беларускай (веры. — В. О.), мы — беларускія, а ані рускія» [ВВС].

Комментируются и пищевые запреты, характерные для иудаизма, в первую очередь запрет есть свинину. Повсеместно у славян известна легенда о том, что евреи не едят свинину, так как Христос превратил в свинью еврейскую женщину, которую спрятали под корытом; подобная легенда зафиксирована и в наших материалах: «Дык, казалі, яўрэйка падкацілася пад начоўкі, гэтыя што мыюць, начоўкі такія дзеравянныя, ну дык каб угадалі, хто ляжыць. А Бог, той, каму яны казалі адгадаць, то кажа — свіння. А яна была бярэменная, і адчынілі тыя ўжо начоўкі, а там яна — і з парасятамі свіння. Гэта ўжо не сталі есці свінню яўрэі» [ШНП].

Со Средневековья на белорусских землях известны **ритуальные наветы** —

обвинение евреев в использовании христианской крови при изготовлении мацы. В конце XVIII — первой половине XIX в. в белорусско-литовских губерниях неоднократно рассматривались дела по так называемым ритуальным убийствам [3. С. 141–142]. Наши респонденты также рассказывают об использовании иудеями крови: «Казалі, што на мацу, нейкую мацу, вот як цяпер вафля гэта «...» Кажуць гэта, рабёнка украдуць і кроў высасаюць» [ШЛИ]. Кровь, согласно представлениям местных жителей, получали следующим образом: «Яны бралі кроў з чалавека. Яны качалі ў боццы. Зловяць рабёнка малага, і тады ў бочку цвякоў нагоняць, і, кажучь, качаюць «...» Тады яны гэту кроў рассылаюць усім жыдам» [ТЗИ]. Но большинство современных рассказчиков считает, что подобные практики остались в прошлом, вспоминая о них лишь в связи с запугиванием детей («не убегай далеко, а то еврей схватит»).

Представителям других этнических групп приписывают **магические способности**, о чем убедительно свидетельствуют материалы полевых исследований в регионе [6. С. 333–361]. Но, как следует из материалов, вредносными способностями чаще наделялись «чужаки», занятия которых не

Жернов на еврейском кладбище в д. Бобыничи Лиозненского р-на. 2015 г. Фото В. Е. Овсейчика

Надгробие на еврейском кладбище в д. Кубличи Ушачского р-на. 2020 г. Фото В. А. Лобача

Свято-Троицкая старообрядческая церковь в д. Кублищино Миорского р-на. 2020 г. Фото автора

были связаны с сельским хозяйством. Так, цыгане и евреи часто фигурируют в заговорах от разных болезней как непосредственные причины недугов (см.: [1]). Подобные заговоры фиксируются и в ходе современных полевых исследований: «Скуляница, грабяница, панская, паганская, жидоўская, пасьмешная, падзіўная, не хадзі, ніколі не балі. На сінім моры дубок, а ў тым дубку хатка, а ў тый хатцы бабка, красным сукном засьцілаіць, залатыя кубачкі медам наліваіць, вот вам тут быць, жыць, а табе, раба Божая (імя), гэтай болі не знаць» [КЕВ]. Этническим соседям, живущим в том же населенном пункте и занимающимся сельским хозяйством, также приписывают сверхъестественные способности, но их чаще считают хорошими знахарями, которые помогают людям: «Была ў нас у Старынцы латышка. О-о-о! Ваду давала [для лечения коровы]. Памагала, Бог знаець як! Так я сама хадзіла» [БВИ].

Важной частью рассказов о представителях других этнических групп являются воспоминания, касающиеся **городского населения**. Поскольку в первой половине XX в. значительная часть горожан в регионе были евреями, во многих рассказах о населении городов и местечек речь идет именно о евреях. Кроме большого комплекса представлений, которые касаются сборной (общей) характеристики еврейского населения (включает хозяйственную деятельность, религию и особенности быта, внешние

признаки, язык, традиции питания и др.) и которые упоминались выше, записаны и воспоминания об отдельных «еврейских» местах в структуре городского ландшафта и о конкретных представителях еврейского сообщества (врачах, соседях, «начальниках» и т.д.).

Среди «еврейских» локусов респонденты чаще всего называют места компактного проживания евреев, культовые объекты (кладбища) и постройки (синагоги). Иногда даже целый город или местечко белорусы называли «еврейским», ср. высказывания жителей Миорского района о г. Дисна: «Яны шылі <...> ну, у Дзісне ж была полнасьцю, гаварылі, яўрэйскі горад быў Дзісна <...> што таргавалі яны тут, лаўкі у іх усё было тут» [СЗГ].

Важное значение в рассказах о соседях имеют воспоминания об особенностях **взаимоотношений с местным населением**. Как отмечают респонденты, отношения с евреями носили в основном мирный и добрососедский характер: «Нармальна была. Я ж у дзярэўні жыла ў Лядні. І мы ў школу хадзілі ў втарую. <...> У нас яўрэі былі. Мы ім малако насілі. Лучшых людзей як яны дажа німа» [БТП]. Наименование *жыд* использовалось белорусами, по воспоминаниям, лишь в общении между собой: «Пры разгаворы — “жыд”, а ў глаза — “яўрэй” скажыш, ня ўдобра ўжо гаварыць» [БТП].

Такой же характер имели взаимоотношения с другими этноконфессио-

нальными соседями. Обособленность старообрядцев, обусловленная их религиозной спецификой, не становилась преградой для общения; это касалось даже сферы календарной праздничной культуры, когда старообрядческие дворы включались в пространственную структуру ритуальных волочёбных и рождественских обходов православного населения. На западе региона белорусы-колядовщики католического вероисповедания заходили не только к своим единоверцам, но и к старообрядцам, у которых Рождество празднуется позже, а в это время еще идет пост. Тем не менее их принимали, одаривали и угощали [7. С. 788; 2. С. 184]. Включение старообрядческих домов в пространство рождественских и волочёбных обходов свидетельствует о том, что в традиционном мировоззрении белорусов старообрядческие усадьбы выступали хотя и специфической, но неотъемлемой частью «своего» мира.

Взаимоотношения между старообрядцами и белорусами (православными и католиками) стали более спокойными в середине XX в., на что обращали внимание респонденты. Например, староверка отмечает: «У нас с православными много общих праздников и обрядов, все мы под одним Богом ходим» [РВД]. Более того, религиозные различия не становились препятствием для посещения чужих храмов и участия в чужих обрядах [5], ср. фрагменты из интервью с респондентами — право-

славным и старообрядцем: «[А вот вы хадзілі к нім (старообрядцам. — В. О.) в церковь?] Да, была. Я к нім, несколько раз была, можа, раза два была. Но мне не понравілось, там нет ні хору, нічего. Можа, па гарадах інаچه, но в этой церкви [...] на празднік і была на пахороне» [ШИА]; «[А вот вы хадзілі када нібудзь у праваслаўную церковь?] Так, у Перабродзе хадзіла. Кагда харанілі. [...] Хадзілі на Узвіжане. Там кірмаш³ быў, поп дажа сам прыязджаў» [ТЕМ]. Распространение получают и смешанные браки: «[А вот как ані (старообрядцы. — В. О.) с местными? В жоны себе бралі?] Бралі. Всяк было. Тожэ мешаные былі» [ЛКМ]; «І Садок узяў каталічку, і Ціток [...] После, после!» [ПАД].

В воспоминаниях о еврейском сообществе важное место занимает период Великой Отечественной войны: «Іх жа ж сагналі в гетта, гетта была в Дзісне. Сагналі в гетта, а патам вывелі у нас там сасоннік цяпер пасажан, ну там магіла цяпер эта есць яврэйская. Іх там чатыры тысячы шасот ілі чатыры тысячы васямсот, растралілі всех» [МВГ]; «Яўрэі былі, тады ж немец іх усіх у Глыбокім. Яны не жылі, а прыжжалі ў гасці. Да, былі яўрэі, паяўляліся. [...] У Дунілавічах іх усе геты пабілі і спалілі» [КАВ]. Не единичны свидетельства о том, как белорусы прятали евреев от немцев и помогали им: «Ну, ў Дзісне, гаварылі, былі, і дажа мама хавала адну яўрэчку, іх жа тут пастралілі много, дык мама хавала яе, карміла яе. Канешна, дужа рызыкаўна было, маглі і расстраляць» [ГЛФ]; «Вайной немцы іх лавілі растрэліваць, вот тут многа іх захавана. Уцікалі, хаваліся каторыя, і хавалі гэтых жыдоў» [ПАД].

Материалы полевых исследований показывают, что наиболее рельефно у местного белорусского населения прослеживаются представления о евреях,

цыганах, русских старообрядцах и латышах. Это обусловлено как специфическим бытовым укладом этих групп, так и многочисленностью их представителей в регионе. В отношении соседей у белорусов сложились специфические стереотипы, при этом их взаимодействие с другими этническими (этноконфессиональными) группами было бесконфликтным и характеризовалось добрососедскими взаимоотношениями.

Примечания

¹ *Сажалка* — небольшой пруд для хозяйственных нужд.

² Плисса — населенный пункт на территории современного Шумилинского района Витебской области.

³ *Кірмаш* — ярмарка, проводившаяся, как правило, раз в год и приуроченная в той или иной местности к определенному празднику; сопровождалась богослужением.

Литература

1. Замовы / Уклад., сіст. тэкстаў, уступ. артыкул і камент. Г. А. Барташэвіч; рэдкал.: А. С. Фядосік і інш. 2-е выд. Мінск, 2000.

2. Земляробчы каляндар: Абрады і звычаі / Уклад., класіфікацыя, сістэматызацыя матэрыялаў і камент. А. І. Гурскага; уступ. арт. А. І. Гурскага, А. С. Ліса. 2-е выд., выпр. Мінск, 2003.

3. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.) / Навук. рэд. У. І. Навіцкі. Мінск, 1998.

4. Лобач У. А. Латвія і латышы у традыцыйнай карціне свету беларусаў Падзвіння XIX — першай паловы XX стагоддзя // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманитарные науки. 2009. № 7. С. 51–60.

5. Овсейчик В. Е. Старообрядцы Белорусского Подвинья во второй половине XIX — первой половине XX в.: особенности этнокультурного взаимодействия с белорусским населением // Язык и межкультурная коммуникация: Материалы междунар. науч. конф.

«Северная Европа, Псков и Ганзейский союз в прошлом и настоящем», 21–23 мая 2019 г. Псков, 2019. С. 22–31.

6. Полацкі этнаграфічны зборнік / Уклад., прадм. і паказ. У. А. Лобача. Вып. 2: Народная проза беларусаў Падзвіння: У 2 ч. Ч. 2. Наваполацк, 2011.

7. Традиционная мастацкая культура беларусаў: У 6 т. Т. 2: Віцебскае Падзвінне. Мінск, 2004.

Список информантов

БВИ — Бумара В. И., 1933 г.р., д. Вацлавово Ушачского р-на, зап. В. А. Лобач, 2008 г.

БТП — Быкова Т. П., 1953 г.р., г. Лепель, зап. В. Е. Овсейчик, 2014 г.

ВВС — Варкулович В. С., 1921 г.р., д. Вайловичи Шумилинского р-на, зап. В. Е. Овсейчик, 2005 г.

ВСП — Вашкевич С. П., 1932 г.р., д. Вилы Лепельского р-на, зап. В. Е. Овсейчик, 2014 г.

ГЛФ — Гваздзювская Л. Ф., 1940 г.р., д. Цветино Миорского р-на, зап. В. Е. Овсейчик, 2019 г.

ДАМ — Дягилева А. М., 1912 г.р., д. Пятницкое Шумилинского р-на, зап. В. Е. Овсейчик и В. С. Филиппенко, 2005 г.

КАВ — Карнацевич А. В., 1931 г.р., д. Вертеи Поставского р-на, зап. В. Е. Овсейчик, 2012 г.

КЕВ — Кубар Е. В., 1925 г.р., д. Пышно Лепельского р-на, зап. В. А. Лобач, 2006 г.

ЛКМ — Ленкевич К. М., 1926 г.р., д. Вертеи Поставского р-на, зап. В. Е. Овсейчик, В. А. Лобач, 2012 г.

ЛТС — Людская Т. С., 1927 г.р., д. Григоривичи Миорского р-на, зап. В. А. Лобач, 2019 г.

МВГ — Метла В. Г., 1949 г.р., г. Дисна Миорского р-на, зап. Е. В. Сумко, 2019 г.

ПАД — Петровская А. Д., 1935 г.р., д. Гавриловичи Поставского р-на, зап. В. Е. Овсейчик, 2007 г.

РВД — Рыбакова В. Д., 1930 г.р., д. Слободка Браславского р-на, зап. Е. Л. Новиченок, 2005 г.

СГИ — Стэльмах Г. И., 1932 г.р., г. Лепель, зап. В. Е. Овсейчик, 2014 г.

СЗГ — Седько З. Г., 1942 г.р., г. Дисна Миорского р-на, зап. В. А. Лобач, 2019 г.

СИЕ — Сидорский И. Е., 1933 г.р., д. Якубовщина Лиозненского р-на, зап. В. А. Лобач, 2005 г.

СМИ — Станкевич М. И., 1933 г.р., д. Старое Лядно Лепельского р-на, зап. В. Е. Овсейчик, 2005 г.

ТЕМ — Трофимова Е. М., 1928 г.р., д. Нивники Миорского р-на, зап. В. Е. Овсейчик, 2008 г.

ТЗИ — Трапук З. И., 1923 г.р., д. Глинщина Поставского р-на, зап. В. Е. Овсейчик, 2007 г.

ШИА — Шклярова И. А., г.р. не указан, д. Нивники Миорского р-на, зап. В. Е. Овсейчик, 2008 г.

ШЛИ — Шидловская Л. И., 1924 г.р., д. Глинщина Поставского р-на, зап. В. Е. Овсейчик, 2007 г.

ШНП — Шпет Н. П., 1936 г.р., д. Осетице Докшицкого р-на, зап. В. А. Лобач, 2006 г.

Надгробие на еврейском кладбище в д. Бобыничи Лиозненского р-на. 2015 г. Фото В. А. Лобача

Елена Вячеславовна Сумко,
канд. ист. наук, Полоцкий гос. ун-т (Республика Беларусь)

КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОСЛЕВОЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ДЕРЕВНИ (по материалам устной истории Витебщины)

Центр устной истории и полевых исследований Полоцкого государственного университета (ПГУ) имеет значительный опыт в проведении полевых экспедиций — в формате как летних полевых практик студентов-историков с базовым лагерем и радиальным принципом исследования, так и маршрутных краткосрочных экспедиций, когда исследуется конкретный населенный пункт или несколько деревень. В фольклорном архиве ПГУ хранится значительный объем биографических нарративов, отражающих различные аспекты истории и культуры Белорусского Подвинья. В последние годы наряду с классическими народо-ведческими темами (фольклор, календарные и семейные обряды, магические практики) исследуются и новые, такие как история повседневности, микроистория (история отдельных деревень и местечек), визуальная антропология.

Одним из перспективных направлений становится исследование культуры жизнеобеспечения белорусской деревни в послевоенный период по данным устной истории. Проблематика жизнеобеспечения в современной исторической науке активно обсуждается представителями разных дисциплин. Этнологи, антропологи, представители современных исторических школ спорят об использовании и содержании терминов «бытовой уклад», «история повседневности», «жизнеобеспечение», «система жизнеобеспечения», «культура жизнеобеспечения» [4, 5, 9]. Исследователи отмечают, что жизнеобеспечение можно рассматривать в системе координат «общество — природа» и «общество — индивид», так как производство, распределение и потребление материальных благ реализуются в определенных социально-организованных формах. Под культурой жизнеобеспечения (КЖ) понимается «взаимосвязанный комплекс особенностей производственной деятельности, демографической структуры и расселения, трудовой кооперации, традиций потребления и распределения, т.е. экологически обусловленных форм социального поведения, обеспечивающих человеческому коллективу существование за счет ресурсов конкретной среды обитания» [2. С. 153]. В современных исследованиях предметная область КЖ расширяется

за счет обращения к исследованию психологического микроклимата, системы ценностей в крестьянских коллективах, а также выработанного деревенским сообществом механизма преодоления трудностей в условиях трансформации социально-экономического и политического строя. Кроме того, в условиях традиционного, аграрного в своей основе общества КЖ имеет четкие проекции на коллективную картину мира и обладает взаимообусловленностью с различными аспектами духовной культуры. Таким образом, КЖ можно определить как совокупность хозяйственных практик, навыков и знаний, обеспечивающих жизнеспособность коллектива, которые обусловлены и находятся в тесной взаимосвязи с геоклиматическими особенностями этнической территории, социальной организацией и уровнем исторического развития народа в целом и отдельных сообществ. КЖ отражена в картине мира этноса и на символическом уровне представлена в разнообразных аспектах духовной культуры (фольклор, календарные и семейные обряды, магические практики, предания).

Методология исследования КЖ предусматривает междисциплинарный подход — ее изучение на стыке экономической этнологии, социально-культурной антропологии и истории повседневности, когда личный опыт представителя локального сельского сообщества рассматривается в широком контексте исторического развития Беларуси в первое послевоенное десятилетие. В изучении КЖ белорусской деревни принципиальное значение имеет определение источниковой базы, а именно сочетание архивных документов, материалов устной истории и этнографических источников, которые дополняют друг друга. Архивные документы позволяют понять контекст событий, а свидетельства респондентов придают человеческое измерение тем или иным трагическим фрагментам истории, позволяют постичь суть и подоплеку процессов, происходящих в послевоенном сельском социуме, помогают изучить новые социально-культурные явления, неразрывно связанные с изменившимися социальными, экономическими, политическими условиями. Именно «эфемерный момент, этнографически

зарегистрированный, раскрывает что-то свое о конфликтах и альтернативах, всплывших на поверхность вследствие деструктивного эффекта переходного периода» [3. С. 10–11]. Поэтому антропологический подход к изучению хозяйственно-экономических аспектов этнической культуры представляется перспективным при комплексном анализе практик жизнеобеспечения белорусской деревни как сложного феномена этнической культуры. Поэтому антропологический подход к изучению хозяйственно-экономических аспектов этнической культуры представляется перспективным при комплексном анализе практик жизнеобеспечения белорусской деревни. При этом речь идет не только о хозяйственном производстве, промыслах, ремеслах, но и о системе онтологических ценностей, находящихся отражение в народной педагогике, медицине, обрядовых практиках и фольклоре.

Полевые материалы позволяют зафиксировать картину, созданную коллективной памятью населения, детально проанализировать проблему и определить стратегии повседневной жизни в сложных послевоенных условиях. Необходимо отметить, что большинство респондентов — преимущественно пожилые женщины довоенного или военного поколения, которые были в рассматриваемый период детьми или подростками. Воспоминания отличаются эмоциональностью, что обусловлено половозрастной и гендерной спецификой восприятия исторических событий, на интерпретацию которых влиял опыт семьи респондента (социальной среды). Отражение послевоенных реалий в индивидуальной памяти имеет свои особенности: приоритет локальной истории, компрессия исторического времени, относительная хронология (хронологическими маркерами становятся формы «до войны / после войны», «до коллективизации / после коллективизации», а не конкретные даты). Рассказы о послевоенной действительности населения Витебщины (Белорусское Подвинье) имеют свою специфику, обусловленную геоклиматическими, культурными и социально-политическими факторами.

С 1944 по 1954 г. территория Подвинья входила в состав двух областей — Полоцкой и Витебской. Социально-экономические различия между областями были обусловлены включением в первую районов, которые с 1921 по 1939 г. входили в состав Польской республики, где преобладала частная собственность на землю (Браславский, Видзовский, Глубокский, Дисненский, Докшицкий, Дуниловичский, Миорский, Плиский и Шарковщинский районы). После освобождения территории от нацистов восстановление сельского хо-

зяйства в восточных районах проходило на основе колхозно-совхозной системы, в западных районах в первые послевоенные годы преобладали единоличные хозяйства. В результате регион имел в своем составе районы с различными типами социально-экономического уклада, разным уровнем благосостояния населения и неодинаковыми стартовыми условиями послевоенного восстановления, что обусловило определенную разницу в восприятии событий. Материалы устной истории показывают, что относительная состоятельность жителей западных районов по сравнению с бедственным состоянием крестьян с востока актуализировала разделение на «западников» и «восточников» с широким спектром взаимных социокультурных стереотипов:

Былі такія две клічкі, былі «западнікі» і «васточнікі». Гэта ўжо большэ хадзілі «васточнікі», патаму што ў «западнікав», в западзе ж как-нікак адналічна жылі і ў іх была астаушысь, і зерна большэ там, і каба-на какова-нібудзь можа вырашчвалі. А ў в-сточных — калхозы былі, там былі болей бедные [БГТ]¹.

В этом отношении Витебщина — уникальный регион, представляющий две модели КЖ в неоднозначный послевоенный период, которые являются транспарентными для всей Беларуси, как для восточной, так и для западной.

После освобождения экономическое положение рассматриваемого региона было тяжелым. Общая численность сельского населения Витебской области (14 районов) на 1 января 1945 г. составляла 433,8 тыс. человек (61% от довоенной численности), в восточных районах Полоцкой области (6 районах) — 123,5 (52,3%), в западных районах Полоцкой области (9 районов) — 241,2 (75,5%) [1. С. 241–242]. В чрезвычайно тяжелом положении оказались жители тех районов, где нацисты в борьбе с партизанами проводили политику «выжженной земли» (ср.: «У нас спалілі ўсё датла ў 44-м гаду» [ГФ]). Шесть восточных районов Полоцкой области (Освейский, Ветринский, Дрисенский, Полоцкий, Россонский, Ушачский) и семь районов Витебской (Городокский, Дубровенский, Сиротинский, Суражский, Чашникский, Лиозненский, Меховский) были включены в число 36 наиболее пострадавших от нацистов на территории БССР. Оккупация привела здесь к полному опустошению деревень.

Уся дзярэўня згарэўшы. На пянёк сталі, пастаялі, пакруціліся, нічога не было... [КНА].

Ну, кончылася вайна, тады ж прыехалі — нідзе нічога нет. Усё пад качалку, усё паскуды папалілі. Прышлі — толькі папялок быў.

Заготовка сена. 1950-е гг. Семейный архив Льва Николаевича Глебки (д. Куриловичи Миорского р-на)

Там дзярэўня была — спалілі, і тут была — спалілі, толькі папялок быў [КЕА].

Экономическая ситуация в западных районах была несколько лучше, что в немалой степени было обусловлено значительно меньшими размахом карательных экспедиций нацистов и степенью опустошения, а также отличным от колхозного социально-экономическим укладом, который обладал лучшим восстановительным потенциалом в условиях разрушенной экономики. Поэтому стартовые условия послевоенного восстановления были не совсем одинаковые в западных, где преобладали единоличные хозяйства, и восточных, преимущественно коллективизированных, районах Витебщины. Однако на протяжении первого послевоенного десятилетия социально-экономический и политический контекст менялся, а вместе с ним и условия жизнеобеспечения. Дискурс устной истории Витебщины дает возможность сравнить трансформацию двух субрегионов с различными исходными социально-экономическими условиями (в восточных районах — восстановления сельского хозяйства и колхозной системы, в западных районах — постепенная ликвидация единоличных

хозяйств и переход к принудительной коллективизации, сопровождавшейся разрушением традиционного крестьянского образа жизни).

В условиях разрушенной войной экономики для советского правительства одной из первоочередных задач являлось восстановление на освобожденных территориях колхозной системы как апробированного механизма обеспечения продуктами и сырьем городов, промышленных центров. Для сельского же населения «послевоенное восстановление» означало в первую очередь восстановление личного хозяйства. Для крестьян-единоличников оно было единственным источником жизнеобеспечения, а крестьяне-колхозники сочетали обработку приусадебного хозяйства с работой в колхозе, которая не оплачивалась должным образом.

Да вайны нічога было, і робілі, і стараліся, а пасля вайны галадавалі крэпка, цяжка было жыць. Калок [трудодень] запішуць. Давалі на яго якога хлеба. А які хлеб быў? Гірса² была. Трудадні... ну, як валы робілі [ММФ].

Наличие двух разных социально-экономических моделей на территории

Косцы. 1950-е гг. Семейный архив Ирины Николаевны Стомы (д. Язно Миорского р-на)

западной и восточной Витебщины предопределило в послевоенный период специфику КЖ белорусской деревни, которая рассматривается как сложный комплекс ментальной стратегии выживания и всей совокупности хозяйственных и социальных практик, призванных обеспечить существование этноса.

Материалы устной истории свидетельствуют, что наиболее тяжелыми были первые годы после освобождения, когда остро стояла проблема физического выживания: «Страшна было. Страшны голад быў. Коні здахалі, людзі падлу елі» [ВТИ]. Устный дискурс голода и экстремальной гастрономии фиксируется преимущественно в восточных районах. В пищу шло всё, что можно было есть, в том числе растения, которые в мирное время не употребляли в пищу. В первый год после освобождения распространенным продуктом был мерзлый картофель, оставшийся на полях. Жарили лепешки из щавеля, лебеды, конопля. Ели молодые листочки липы, корень аира. В хлеб добавляли различные травы и картофель. Некоторые респонденты сохранили в памяти и пронесли через всю жизнь вкусовые ощущения послевоенной экстремальной гастрономии, которая оставалась актуальной из-за голода в зимне-весенний период 1946–1947 гг. Однако и в западных районах включение в повседневный рацион растительных продуктов-суррогатов было обычным явлением. В это время актуализируются этноботанические знания, используются традиционные методы лечения [7. С. 72].

Важными дополнительными источниками послевоенного жизнеобеспечения стали собирательство и рыболовство. В рассматриваемый период собирательство значительно расширилось. Респонденты отмечали, что очень востребованным было рыболовство, так как рыба была важным пищевым ресурсом, который позволял выжить в сложных условиях, а также служила для обмена на другие продукты питания [7. С. 68]. Реализация рыбы в послевоенном городе в условиях карточной системы была весьма выгодным бизнесом. Собирательством преимущественно занимались дети разного возраста, взрослые — в меньшей степени, так как были заняты в колхозе или в своем хозяйстве. Продукты собирательства включались в повседневный рацион, а также были источником заработка. Ягоды и грибы дети нередко продавали в ближайшем местечке или городе, чтобы приобрести необходимые вещи, например для школы, или купить какое-то лакомство.

Архивные документы и материалы устной истории свидетельствуют о том, что в рассматриваемый период основную роль в жизнеобеспечении крестьян как в восточных, так и в западных районах играло личное хозяйство.

В период послевоенного восстановления экономики отношения между «восточниками» и «западниками» строились на принципах своеобразной взаимопомощи. Прежде всего это проявлялось в обмене ресурсами. В условиях массовой мобилизации 1944 г. и отсутствия мужских рук восточные районы поставляли «западникам» дешевую рабочую силу для обработки земли в единоличных хозяйствах и помощи по хозяйству (работали преимущественно за продукты питания), а для «восточников» западные районы были источником продовольствия и ресурсов для обеспечения своих хозяйств, в частности скота. В сложное послевоенное время актуальными практиками были отхожий промысел и «хождение по миру», которые играли иной раз основную роль в системе жизнеобеспечения крестьянской семьи:

У нас, у Западной Беларусі здесь было едіналіцтво, людзі жылі намнога багаче. Былі запасы і мяса, і сала і хлеба і ўсё. І пазтаму сразу после вайны хадзілі нішчыя [ШФЛ].

«Хождение по миру» было известным феноменом традиционной культуры, а люди, занимавшиеся этим специфическим промыслом, рассматривались как профессиональные нищие («старцы», «божьи люди»). В послевоенный период оно приобретает вынужденный характер, на первый план выходит именно прагматическая функция, хотя элементы субкультуры «старцев» в определенном смысле еще сохранялись. Полевые исследования фиксируют воспоминания о практиках нищенства во всех районах Витебщины. Однако в восточных районах воспоминания о послевоенном попрошайничестве — это воспоминания о собственном жизненном опыте, тогда как в западных преобладают воспоминания о нищенствующих «восточниках» [8. С. 144].

Мы не хадзілі, а да нас пасля вайны з вачной Беларусі прыхадзілі. Яны ж там папаленыя былі, бедна жылі, так ішлі да нас. Прыйдуць, паглядаць ёсць ці абраз, перакрэсцяцца і: «Падайце радзі Хрыста»... І так ішлі, ішлі, ішлі... [РВН].

Жесткие условия послевоенного восстановления хозяйства вызвали к жизни либо актуализировали нетипичные формы экономической и торговой активности крестьян; среди традиционных занятий возникли нелегальные формы торгового предпринимательства, которые зачастую имели криминальный характер. Это зафиксировано в архивных документах, однако именно материалы устной истории позволяют глубже понять суть проблемы, изучить неформальные практики, которые осуществлялись за пределами колхозной системы. В эк-

стремальных условиях важным дополнительным источником жизнеобеспечения было самогонование, которое представляло собой эффективный способ «конвертации» сельскохозяйственной продукции в «живые деньги». В первые послевоенные годы продажа самогона давала необходимые ресурсы для восстановления собственного хозяйства, приобретения предметов первой необходимости [6. С. 128]. Респонденты отмечали, что самогон был средством расчета за разные бытовые услуги, а также играл важную роль во время товарообменных операций как в сельском социуме, так и между городом и деревней. К тому же в отличие от собственно денег самогон выполнял важные экстраутилитарные функции в рамках обрядов семейного и календарного циклов, позволяя тем самым экономить значительные финансовые средства на покупке официального алкоголя.

Мама наварит самогонки. Ведро зерна — за бутылку. Ведро зерна она прорастит и сделает самогонку. Пойдет в Миоры, купит зерна — пуд. Принесёт на плечах этот пуд. С одного ведра она сделала самогонку, чтоб купить ещё, а с другого смолола и нас накормила, туда картошки добавила. Люди выживали сами [НВМ].

Самогонование в послевоенной деревне было распространено повсеместно. Сюжеты, связанные с самогонованием, позволяють глубже понять систему социальных связей в сельском сообществе. Нелегальный характер производства самогона при его востребованности предопределил различные стратегии и тактики во взаимоотношениях крестьян-самогонщиков и представителей власти, что нашло отражение в воспоминаниях респондентов и даже в песенном фольклоре. В 2009 г. от коллектива женщин в д. Тумиловичи Докшицкого района была записана следующая песня.

Звіньявой я была, звiньявой я была,
Звiньявой я была, буракоў накрала.
Буракоў накрала, самагонкі нагнала.
Самагонка удалася, самагонка удалася,
Самагонка удалася — ўся брыгада напілася.

Як напіўся брыгадзір, як напіўся брыгадзір,

Як напіўся брыгадзір — на работу не хадзіў.

Аграном як заліў вочы, аграном як заліў вочы,

Аграном як заліў вочы, дык паставіў дзень рабочы.

Заацехнік як напіўся, заацехнік як напіўся,

Заацехнік як напіўся — у кармушку уваліўся.

І з раёну была два, і яшчэ 'дзін галава.

І міліцыя была, і міліцыя была,

І міліцыя была, самагоначку піла.

Сталі сход сабіраць, сталі сход сабіраць,
Сталі сход сабіраць — каму прэмію да-
ваць.

Зьвінявой трэба даць, зьвінявой трэба
даць,

Зьвінявой трэба даць — самагонку
ўмее гнаць.

І з цех пор я завуся, і з цех пор я завуся,
І з цех пор я завуся — самагоншчыца
Маруся.

Ситуация с жизнеобеспечением в районах Витебщины, где преобладали единоличные хозяйства, осложнилась в конце 1940-х гг., когда был взят курс на ускоренную коллективизацию. Мас- сированное наступление партийно- государственных структур, действия карательных органов, увеличение на- логов, раскулачивание позволили в ко- роткий период включить основную часть крестьянства западных областей в колхозно-совхозную систему. Коли- чество единоличных хозяйств стало резко сокращаться. Если сравнивать восприятие коллективных хозяйств в послевоенное время, в материалах этнографических экспедиций Центра устной истории ПГУ четко отражены две концепции отношения к колхозам. Первая была характерна для восточ- ных, коллективизированных до войны районов, население которых отчасти не противопоставляло послевоенное вос- становление собственного и колхозного хозяйств, и совсем другое отношение было у населения западных районов, где хозяйства относительно зажиточных бывших крестьян-единоличников после коллективизации оказались в состоянии упадка [10. С. 107–108]. Становление колхозов связывалось с ухудшением уровня жизни.

Таким образом, культура жизнеобе- спечения — сложная исследовательская проблема, каждый элемент который может рассматриваться как самостоя- тельное направление. Перспективными темами для исследований являются

следующие: устный дискурс о голоде и экстремальной гастрономии; попро- шайничество как стратегия выживания; место легальных и нелегальных промыс- лов в системе хозяйственных занятий и их роль в повышении благосостояния деревенского населения; внутриэтни- ческое разделение на «западников» и «восточников» и сопровождающие его взаимные социокультурные сте- реотипы; трансформация обрядовой жизни в условиях послевоенного вос- становления.

Примечания

¹ Полевые записи хранятся в фольклор- ном архиве Полоцкого государственного университета.

² Гирса — *Bromus secalinus*, многолетнее травянистое растение семейства злаковых, посевной сорняк; используется как кормо- вая культура в животноводство.

Литература

1. Витебщина освобожденная: октябрь 1943 — декабрь 1945: документы и ма- териалы / Сост. Н. В. Воронова [и др.]. Витебск, 2009.
2. Лурье С. В. Историческая этнология: Учеб. пособие для вузов. М., 2004.
3. Мартынова М. Ю. От этнологии к антропологии: глобальные мировые тен- денции в региональном контексте // Этно- графическое обозрение. 2019. № 5. С. 5–14.
4. Пушкарева Н. Л. Антропология по- вседневной жизни и этнографическое изуче- ние бытовой культуры // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 83–86.
5. Сатаев Р. М. Использование понятий «жизнеобеспечение», «бытовая культура» и «культура повседневности» примени- тельно к изучению обществ исторического прошлого // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 73–82.
6. Сумко А. В. Эканамічны і соцыякуль- турны аспект самаганаварэння ў сельскім ландшафце Паўночнай Беларусі ў другой палове 1940-х — 1960-х гг. // Вестник По- лощкого государственного университета. Сер. А. Гуманитарные науки. 2018. № 9. С. 127–135.

7. Сумко А. В. Выжыванне пасля вызва- лення: вёска Паўночнай Беларусі ў дыскур- се вуснай гісторыі // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А: Гуманитарные науки. 2019. № 9. С. 65–72.

8. Сумко А. В. Пасляваеннае жабрацтва ў дыскурсе вуснай гісторыі Віцебшчыны // Вестник Полоцкого государственного уни- верситета. Сер. А: Гуманитарные науки. 2020. № 9. С. 142–147.

9. Ямсков А. Н. Проблемы и перспективы использования понятия «жизнеобеспе- чения» и его производных в этнологии и ар- хеологии // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 90–92.

10. Sumko A. Life support of the Belarusian village in the post-war period (the second half of the 1940s — early 1950s) // Studia Bialoru- tenistyczne. Vol. 13. 2019. S. 91–113.

Список информантов

БГТ — Бабака Глафира Тимофеевна, 1927 г.р., г. Дисна Миорского р-на, 2019 г.
ВТИ — Высоцкая Таисия Ивановна, 1935 г.р., д. Головчицы Россонского р-на, 2019 г.

ГФ — Гиль Феофания, 1942 г.р., д. Калеч- полье Глубокского р-на, 2018 г.

КЕА — Корнилова Елена Андреевна, 1934 г.р., д. Щеперня Полоцкого р-на, 2017 г.

КНА — Кондратьева Надежда Анто- новна, 1928 г.р., д. Янковичи Россонского р-на, 2019 г.

ММФ — Моисеенко Мария Филип- повна, 1931 г.р., д. Муравщина Полоцкого р-на, 2018 г.

НВМ — Неменёнок Ванда Михайлов- на, 1936 г.р., д. Жигули Верхнедвинского р-на, 2018 г.

РВН — Рабковский Виктор Николае- вич, 1933 г.р., д. Ковалевщина Глубокского р-на, 2018 г.

ШФЛ — Шимукович Фадей Лаврен- тьевич, 1935 г.р., г. Дисна Миорского р-на, 2019 г.

Статья подготовлена в рамках про- екта БРФФИ-РФФИ «Субкультура дет- ства в дискурсе устной истории, языке и фольклоре Витебско-Псковского погра- ничья XX — начала XXI века», № Г20Р-095.

Е. Л. Мадлевская,
канд. филол. наук, Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)
А. Б. Островский,
доктор ист. наук, Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)

ВЫСТАВКА РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ «В ЛЕСАХ И НА ГОРАХ: БЫТ СТАРООБРЯДЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ»

«Раскольники», «старообряд- цы», «староверы», хранители древнего благочестия. Для многих наших современников это стро-

гие люди: мужчины с нестриженными бородами, женщины в платках — истые верующие, кладущие крестное знамение двумя перстами. Подчас трудно пред-

ставить, что в середине XIX в. молодая девушка-скитница могла быть задорной, неунывающей, мастерицей на шутки и розыгрыши, что парень-старообрядец мог одеваться по последней европейской моде, а купец-тысячник, приобретая иконы и лампады для своих мастерских, мог основательно торговаться на ярмар- ке. Неожиданным может показаться, что в старообрядческой среде во время крестинного обеда могли залиvisto хохотать над молодым отцом, заставляя его есть пересоленную кашу, или что не такой уж и редкостью были свадьбы «самокруткой».

Выставочный проект Российского этнографического музея «В лесах и на горах: быт старообрядцев Поволжья»¹